Вал. Булгаковъ.

378
5907

Университетъ и университетская наука.

Съ приложеніемъ письма Л. Н. Толстого къ автору объ образованіи.

Цѣна 30 коп.

Печатня А.И. Снегиревой Москва.
1912.

ИБЦ РЭУ им.Г.В. Плеханова
001215250

82543

378
Б907

Вал. Булгаковъ.

Редакціи „Русских
Вѣдомостей"
для отзы

032
64

Университетъ

и

университетская наука.

Съ приложеніемъ письма Л. Н. Толстого къ автору объ образованіи.

БИБЛИО...
Института
№ 82543 ХР
1956 г.

47473
032
64

№: съ отзывомъ покорнѣйше
просятъ послать на имя
тора по адресу: Москва,
зетный пер., д. 5, кв. 28.

ПРОВЕРЕНО
020412

Печатня А. И. Снегиревой Москва.
1912.

ПЕЧАТНЯ А. СНЕГИРЕВОЙ
МОСКВА
ТРУДЪ
Остоженка, Савелов. п.

8512.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящая статья представляетъ слегка переработанный (мѣстами сокращенный въ силу необходимости, мѣстами дополненный) рефератъ, прочтенный мною въ собраніи студентовъ Московскаго университета, въ одной изъ аудиторій юридическаго корпуса, 20 октября 1910 года.

Читалъ я, подавъ предварительно прошеніе ректору объ увольненіи меня изъ числа студентовъ. Въ рефератѣ я и попытался объяснить товарищамъ мотивы своего добровольнаго выхода изъ университета.

Интересно отношеніе, которое встрѣтилъ рефератъ въ ихъ средѣ.

Слушателей было человѣкъ 250—300.

Не безъ опасеній наткнуться на протесты за нѣсколько рѣзкій тонъ, приступилъ я къ чтенію. Противъ ожиданія, студенты выслушали рефератъ въ полномъ молчаніи, спокойно, внимательно. Нѣкоторыя мѣста прослушали съ напряженнымъ вниманіемъ и сидѣли тихо-тихо.

Когда прочелъ, раздались очень дружныя рукоплесканія, чего я опять не ожидалъ.

Начались пренія. Вышло, что большинство ораторовъ (всего ихъ было человѣкъ 12 или больше) говорили въ очень сочувственномъ мнѣ тонѣ. Противники тоже указывали, что въ рефератѣ много вѣрнаго объ университетѣ. Возраженія, по большей части, были мало существенны и совсѣмъ для меня не новы. Мнѣ показалось, что студенты не могли сразу проникнуться совершенно новымъ для нихъ міросозерцаніемъ, тѣмъ болѣе, что для того, чтобы вполнѣ понять

что-нибудь новое, надо испытать это новое, а они другой жизни, кромѣ своей, въ сферѣ вліянія этой нелѣпой университетской науки, не знали и даже предполагать о ней не умѣли. (Еще бы, вѣдь г.г. профессора такъ отвлекали ихъ отъ этого!) Но многое въ рѣчахъ товарищей было очень трогательно. Да и опредѣлилось какъ-то сразу, что все-таки общее настроеніе собранія несомнѣнно сочувственно мнѣ. Такъ, на очень ужъ наивныя рѣчи нѣкоторыхъ возражателей аудиторія просто смѣялась. Было также очевидно, что рефератъ задѣлъ присутствующихъ, взволновалъ ихъ. Всѣ безъ исключенія ораторы говорили въ очень приподнятомъ тонѣ, съ большой искренностью, часто — несвязно, какъ умѣли, но отъ всей души, дрожащими голосами, съ порывистами жестами. Возбужденіе было не просто-какое бываетъ въ спорѣ и, во всякомъ случаѣ, не злое возбужденіе, а хорошее, не напрасное, такое, какимъ всякій изъ насъ долженъ дорожить: обозначающее сильное душевное движеніе, долго потомъ не останавливающееся и обыкновенно чреватое важными послѣдствіями въ развитіи духовной жизни. Казалось, что это было такъ. Одинъ разъ, во время преній, присутствующіе надъ чѣмъ-то засмѣялись. Съ одной изъ скамей вскакиваетъ студентъ: „Товарищи! Мы здѣсь обсуждаемъ самые глубокіе вопросы нашей жизни, а вы смѣетесь! Развѣ можно такъ несерьезно относиться къ тому, о чемъ говоримъ?“ Со всѣхъ сторонъ раздалось: „почему несерьезно? Кто несерьезно относится?“ Студенты не ожидали, что въ этотъ моментъ ихъ можно упрекнуть въ несерьезности.

Имя Л. Н. Толстого склонялось во всѣхъ падежахъ. Студенты замѣтили общность нашихъ міровоззрѣній. Вѣрнѣе сказать, студенты, по своему незнанію въ религіозной области, только и могли религіозную основу моихъ взглядовъ отнести къ воздѣйствію того единственнаго религіознаго не въ церковномъ смыслѣ человѣка, о которомъ они знали по наслышкѣ, т. е. Л. Н. Толстого. О немъ говорили все время съ величайшимъ уваженіемъ. Высказывалось мнѣніе (противникомъ моимъ), что нельзя отрицать или опровергать Толстого, не зная его. Я думаю, что многіе изъ слушавшихъ рефератъ станутъ читать Льва Николаевича.

Можетъ ли мнѣ быть лучшая награда?

Одинъ студентъ говорилъ, что, навѣрное, большинство товарищей и не послѣдуютъ моему призыву — выйти изъ университета, но сѣмена ученія, посѣяннаго сегодня въ ихъ сердцахъ, взойдутъ, можетъ быть, черезъ много времени и дадутъ свои плоды. Еще говорили. Одинъ сказалъ, что онъ— „рядовой студентъ“, что онъ понялъ меня, но за мной не послѣдуетъ, потому что „не имѣетъ тѣхъ моральныхъ силъ“, какія, по его мнѣнію, есть у меня. Другой возразилъ ему: „а пробовали вы итти за Булгаковымъ?“ (Это былъ Юрій Ж., медикъ 2-го курса, который самъ собирался выходить и потомъ вышелъ изъ университета). Когда одинъ наивный человѣкъ сталъ призывать меня, чтобы я еще подождалъ, одумался, чтобы я остался въ ихъ средѣ и т. д.—то вся аудиторія громко засмѣялась, закричала и замахала руками: „довольно, довольно, кончайте, будетъ, уходите!“ Другой студентъ призывалъ итти всѣхъ своей дорогой, но итти честно, не навязывая своего мнѣнія другимъ. Въ своемъ общемъ отвѣтѣ всѣмъ оппонентамъ я вполнѣ согласился съ нимъ, сказавъ, искренно и отъ души, что у меня лично никакъ не было намѣренія навязывать свое мнѣніе, что читалъ я для того, чтобы слышать возраженія товарищей, и что если мы и пойдемъ не одной и той же дорогой, то это нисколько не нарушитъ моей любви и уваженія къ нимъ. И этимъ кончилъ. Говорилъ, вообще, въ отвѣтъ на возраженія немного, тѣмъ болѣе, что было уже поздно, 12-ый часъ ночи, и мы уже нарушили всѣ правила, такъ что завѣдующій собраніями чиновникъ нѣсколько разъ входилъ и просилъ кончить собраніе (каждый разъ студенты кричали на него, и онъ скрывался).

Еще надо сказать, что студенты какъ-то сами очень чутко поняли, что я прощаюсь рефератомъ съ ними, съ университетомъ.— „Вѣдь онъ прощается съ нами,—говорилъ одинъ ораторъ:—пожелаемъ же ему“... Громкія, дружныя и долгія рукоплесканія послѣдовали въ отвѣтъ. Милыя, доброжелательныя лица со всѣхъ сторонъ обратились ко мнѣ. Я кланялся,—все, чѣмъ я могъ отвѣчать товарищамъ. Потомъ съ толпой вышелъ въ коридоръ.

— Прощай!—подошелъ знакомый студентъ. Мы поцѣловались. Это былъ сигналъ.

— Прощайте, прощайте, товарищъ! Всего хорошаго!—начало раздаваться со всѣхъ сторонъ.

Мнѣ жали руку, цѣловали меня совсѣмъ мнѣ незнакомые товарищи,—лучше, лучше сказать—братья,—съ которыми такъ ясно мы поняли свое духовное единство, неразрывную нашу близость, принадлежность нашу къ одному и тому же верховному единому источнику всякой жизни.

Прибавлю еще, что, какъ мнѣ показалось, въ собраніи больше было совсѣмъ молодыхъ студентовъ. Многіе собирались еще поговорить со мной, но такъ какъ я уѣзжалъ на другой день изъ Москвы, обѣщались писать мнѣ.

Спустившись съ первой лѣстницы, на площадкѣ остановились. Стали предлагать вопросы. Я отвѣчалъ. Долго говорили. Наконецъ, служителя начали торопить: нужно закрывать университетъ. Спустились совсѣмъ внизъ. Тамъ снова остановились. Служители погасили электричество. Мы двинулись. Электричество вновь зажглось. Мы снова остановились. Снова служителя потушили огни. Студенты закричали, и свѣтъ былъ опять данъ. Университетскій дворъ мы прошли толпой. Толпой вышли на улицу и стали около воротъ, продолжая разговаривать. Наконецъ, опомнились, засмѣялись сами на себя и разошлись.

Такъ удивительно я разстался съ московскимъ университетомъ. Ради одного этого стоило изъ него выйти.

Университетъ и университетская наука.

1.

Согласно общему представленію, университетъ—это есть высшее учебное заведеніе и ученое учрежденіе. Цѣль его двоякая: практическая, заключающаяся въ подготовкѣ образованныхъ дѣятелей, строителей нашей общественной жизни, и спеціальная—разработка очередныхъ вопросовъ и задачъ вѣчно развивающейся, вѣчно эволюціонирующей науки.

Я также былъ студентомъ университета,—былъ... и пересталъ имъ быть—пересталъ не подъ давленіемъ какихъ-либо не зависѣвшихъ отъ меня причинъ, а добровольно. Я желалъ прекратить вліяніе, оказывавшееся на меня университетомъ. Я думаю, что рѣшеніе это не было легкомысленнымъ: три года оно созрѣвало въ моемъ сознаніи, — три послѣднихъ года изъ четырехъ, проведенныхъ мною въ университетѣ.

Разскажу какъ это случилось. Быть можетъ, это не будетъ абсолютно безполезно: быть можетъ, я даже встрѣчу сочувствіе тѣхъ, кто переживаетъ нѣчто подобное тому, что было со мной; быть можетъ, вопросъ будетъ обсуждаться — искренно, серьезно, всесторонне, заново, — что очень важно.

Я поступилъ въ университетъ ради его научнаго значенія, съ цѣлью пріобрѣтенія знаній, необходимыхъ для выработки того, что называется, въ широкомъ смыслѣ, міросозерцаніемъ. Такъ какъ спеціальныя и прикладныя науки: техническія,

юридическія, медицинскія не привлекали меня исключительнымъ образомъ, то я избралъ только что образовавшееся, съ введеніемъ предметной системы, философское отдѣленіе историко-филологическаго факультета. Здѣсь я началъ прилежно заниматься...

И вотъ, по прошествіи не особенно большого срока, мнѣ пришлось убѣдиться 1) въ томъ, что система преподаванія въ университетѣ болѣе, чѣмъ неудовлетворительна; 2) въ томъ, что, вообще, университетъ и наука—вещи далеко не совпадающія, и 3) въ томъ, что самъ я теперь уже далеко не тотъ всему послушный, запуганный гимназистикъ, которымъ можно распоряжаться какъ только вздумается людямъ, вообразившимъ себя имѣющими какое-то право на это.

Я встрѣтилъ въ университетѣ нѣсколько хорошихъ и много-много, очень много, такъ что послѣ гимназіи, гдѣ насчитывалось всего около двухъ десятковъ учителей, какъ-то даже странно становилось,—плохихъ л е к т о р о в ъ. Подчеркиваю это слово, такъ какъ только въ этой роли я и познакомился съ моими новыми наставниками. Лекціи ихъ мною усиленно записывались, пока я не узналъ, что этотъ трудъ довольно не продуктивенъ, такъ какъ большинство читавшихся курсовъ или уже много лѣтъ тому назадъ напечатано или въ ближайшемъ будущемъ напечатается. Это былъ первый ударъ моему довѣрію къ университету. Я пересталъ посѣщать лекціи и при этомъ увидѣлъ, что гораздо больше получаю, запоминаю изъ нихъ именно при чтеніи, а не при выслушиваніи изъ устъ профессоровъ. И въ самомъ дѣлѣ, какъ же можно отдать предпочтеніе с л у ш а н і ю въ обширной аудиторіи, въ присутствіи массы народа, при наличности всевозможныхъ развлекающихъ обстоятельствъ, передъ уединеннымъ сосредоточеннымъ трудомъ въ тиши своего уголка? Я ясно понялъ все превосходство такого труда и совершенную ненужность лекцій, когда есть книги.

Мало того, лекціи не нужны еще и потому, что изъ отрывочныхъ сообщеній профессоровъ, называемыхъ этимъ именемъ, знаній пріобрѣтается очень мало, между тѣмъ, какъ на слушаніе ихъ, при условіи аккуратности ихъ посѣщенія,

времени уходитъ слишкомъ много. Лекціи отрывочны, потому что профессора должны сообразоваться съ тѣмъ краткимъ временемъ, въ часъ или въ два, которое дается имъ на чтеніе, а также потому, что обыкновенно—чтеніе курса даже не заканчивается къ концу учебнаго года и обрывается, часто же комкается и въ срединѣ года, вслѣдствіе какихъ-либо внѣшнихъ обстоятельствъ: болѣзни лектора, внезапнаго прекращенія занятій въ университетѣ и т. п. Нѣкоторые говорятъ, что цѣль лекцій—это только дать толчекъ студентамъ работать въ извѣстномъ направленіи,—но все это, будучи выражено очень высокопарно, не соотвѣтствуетъ дѣйствительности: студенты такъ много времени употребляютъ на слушаніе и на сдачу этого „толчка“, что за нимъ дальнѣйшаго движенія, по крайней мѣрѣ во время пребыванія въ университетѣ, почти не слѣдуетъ; а послѣ университета большинству уже совсѣмъ некогда объ этомъ думать...

Главная же причина отрывочности лекцій и, вообще, несистематичности университетскихъ занятій заключается въ томъ духѣ казенщины, который—увы! разъѣдаетъ и дѣло университета. Духъ этотъ выражается въ томъ, что время, удѣляемое каждому профессору для чтенія или преподаванія, непремѣнно устанавливается особымъ росписаніемъ, нарушить которое нельзя и при наличности котораго ни преподаватель не можетъ дать воли своему увлеченію или болѣе удобно скомбинировать и развить свою бесѣду со студентами,—ни студенты не въ силахъ удовлетворить своего нарастающаго интереса и использовать его въ данное время. Кругъ бесѣды, (если это не лекція, гдѣ студенты совершенно не имѣютъ права голоса, а напримѣръ, семинарій или просеминарій) не можетъ быть ни измѣненъ, ни расширенъ, а между тѣмъ часто именно это-то можетъ оказаться весьма важнымъ въ педагогическихъ цѣляхъ. Нельзя поэтому называть лекціи „живымъ словомъ“, поистинѣ это—мертвое слово.

И вотъ этотъ-то духъ казенщины, при которомъ не только строго выработано, установлено и расчитано по часамъ росписаній лекцій, но и расчитана вся вообще работа студента, безъ всякаго вниманія къ его индивидуальности: число чи-

таемыхъ курсовъ, число практическихъ упражненій, время пребыванія въ университетѣ, — эта казенщина губитъ все живое дѣло обученія.

Благодаря ей, мы сталкиваемся еще и съ такимъ невѣроятно страннымъ положеніемъ. Студенты, какъ извѣстно, учатся по книгамъ, рекомендуемымъ профессорами. И здѣсь у всякаго профессора стоитъ обыкновенно на первомъ планѣ его собственный учебникъ, если таковой имѣется, или же данный, читаемый имъ курсъ лекцій, если особаго учебника профессоръ еще не написалъ. Студенты обыкновенно только его и проходятъ, такъ какъ на экзаменѣ—и это фактъ—всякій профессоръ требуетъ, если не исключительно, то главнымъ образомъ, знанія своего учебника или курса. Профессоръ обязываетъ въ этомъ студента. Что же получается? Молодой человѣкъ, любознательный, желающій пріобщиться къ наукѣ, долженъ знакомится съ нею не по первоклассным трудамъ первоклассныхъ авторовъ, а по литографированнымъ лекціямъ разныхъ доморощенныхъ талантовъ: Ивановыхъ, Сидоровыхъ, Филипповыхъ и другихъ подобныхъ авторитетовъ науки, имъ же нѣсть числа... Объ этихъ авторитетахъ очень мѣтко отозвался извѣстный врачъ, профессоръ Захарьинъ.—Что значитъ написать диссертацію?—спрашиваетъ онъ и отвѣчаетъ:—Дано n книгъ, написать n+первую. Вотъ эти-то „n+первыя книги“ студентъ обязанъ изучать.

Есть великія книги, произведенія великихъ умовъ, есть „Этики“ Спинозы, „Фаусты“ Гете, есть „Критики чистаго разума“ Канта, „Міры, какъ воля и представленіе“ Шопенгауэра, „Исповѣди“ Руссо, Толстого, есть Эпиктетъ, Аврелій, Сократъ, Христосъ, Магометъ, индійская и китайская мудрость, — но скажите, если вы студентъ, положа руку на сердце, развѣ все это изучается въ университетѣ, какъ бы слѣдовало, главнымъ образомъ? Нѣтъ, все это или совсѣмъ не изучается или изучается поверхностно, отрывочно, безпорядочно (даже на спеціальныхъ семинаріяхъ и просеминаріяхъ), не главнымъ образомъ. А главнымъ образомъ студентамъ подсовываются лекціи и курсы ихъ невеликихъ, а часто—неумныхъ, убійственно незанимательныхъ, посредственно ученыхъ профессоровъ, а еще иногда—не только

съ октябристскимъ или кадетскимъ, а и съ явно черносотеннымъ душкомъ!

Говорятъ: профессора, конечно, по большей части, не не обладаютъ особо выдающимися дарованіями, и ихъ вклады въ науку, правда, уступаютъ по своему значенію и богатству трудамъ Паскалей и Кантовъ, но за то они излагаютъ науку студентамъ. На это можно только отвѣтить, что надобности въ этомъ не представляется, такъ какъ не дай Богъ никому никогда изучать что-либо не въ подлинникѣ, а въ изложеніи и особенно если это изложеніе отрываетъ навсегда отъ знакомства съ самимъ подлинникомъ, какъ это несомнѣнно и есть у насъ. Здѣсь бездарность стремится выдвинуться насильно, основываясь на такомъ—то § устава, и восторжествовать надъ талантомъ. И она забиваетъ головы молодыхъ людей всевозможной дребеденью, предлагая въ противномъ случаѣ удаляться вонъ изъ ея владѣній—изъ стѣнъ университета. Да, въ университетѣ можно успѣшно учиться у профессоровъ и проходить университетскій курсъ только при условіи игнорированія или кастрированія своихъ собственныхъ, самостоятельныхъ, дѣйствительныхъ духовныхъ запросовъ, которые съ непремѣнной психологической закономѣрностью возникаютъ въ головѣ каждаго начинающаго мыслить молодого человѣка; напротивъ, если вы будете, самостоятельно занимаясь, искать отвѣтовъ въ знаніи на интересующіе васъ вопросы, прохожденіе вами университетскаго курса неизбѣжно замедлится: ложная работа тормазится вашей дѣйствительной работой. Потому то и бросается иногда въ глаза, что наиболѣе даровитые и духовно-независимые студенты просиживаютъ въ университетѣ количество лѣтъ, большее положеннаго университетскимъ уставомъ, хотя они и могли бы справится со всей университетской программой даже въ гораздо меньшій срокъ. Вся ихъ вина только въ томъ, что они слишкомъ хорошо знаютъ и чувствуютъ, какъ это говоритъ Мильтонъ въ своемъ знаменитомъ трактатѣ о свободѣ слова*), что „быть вынужденнымъ во всякое время читать сочиненія, изъ которыхъ никто не захочетъ читать

*) „Areopagitica“.

три страницы, даже когда они будутъ прекрасно напечатаны,— такое положеніе... должно быть рѣшительно невыносимо для человѣка, цѣнящаго свое время и свой трудъ". Отзывъ, болѣе удачно характеризующій наши университетскіе учебники, трудно сыскать.

Здѣсь припоминаю, какъ въ теченіе всего второго года моего пребыванія въ университетѣ передо мной на письменномъ столѣ лежали двѣ книги: одна — не оффиціальнаго, свободнаго и талантливаго автора—объ анархизмѣ и другая— профессора нашего университета, т. е. казеннаго автора, дюжиннаго человѣка – „курсъ" психологіи. Мнѣ нужно было прочесть тяжело и не оригинально написанный „курсъ", чтобы сдать срочный экзаменъ, и въ то же время меня тянуло къ другой талантливой книгѣ; я бросалъ „курсъ" и принимался за нее, но вспоминалъ, что я не исполняю своего долга по отношенію къ университету, такъ какъ мнѣ нужно сдавать экзаменъ, и снова принимался за „курсъ"... И такъ я колебался цѣлый годъ между своей обязанностью, какъ я понималъ ее тогда, и своимъ насущнымъ непосредственнымъ интересомъ. Въ результатѣ, какъ это ни забавно кажется на первый взглядъ, я не прочелъ ни той, ни другой книги. Только теперь, освободившись отъ ложныхъ предразсудковъ, я уже знаю, что мнѣ нужно дѣлать и что читать.

Въ лучшемъ случаѣ, если лекціи профессоровъ и представляютъ изъ себя что-нибудь полезное, то онѣ все-таки не нужны студентамъ, такъ какъ цѣль ихъ не учить студентовъ, а показывать таланты профессоровъ. Студенты же, не обладая достаточными познаніями, не могутъ и критически относиться къ нимъ. Здѣсь мы сталкиваемся уже съ тѣмъ положеніемъ, что, конечно, большинство профессоровъ совершенно не обладаетъ и педагогическими способностями. Они лишь стараются захватить теплыя мѣстечки въ университетѣ (такъ называемыя „кафедры") и воображаютъ, что никакихъ педагогическихъ способностей имъ и не нужно, такъ какъ въ университетѣ они имѣютъ дѣло не со школьниками, которыхъ нужно воспитывать, а со взрослыми людьми, для которыхъ важна лишь „научность" составленнаго имъ курса. И вотъ—пришелъ, сѣлъ на кафедру, отбарабанилъ

въ часъ или два „научно“ скомпанованную дребедень и ушелъ, и... „исполнилъ долгъ, завѣщанный мнѣ грѣшному“ за вознагражденіе въ 3—4 тысячи рублей. (Это грубо, но только потому, что грубы самые факты, не нуждающіеся для своего выраженія въ болѣе мягкихъ словахъ).

Но профессора жестоко ошибаются. Студенты, во-первыхъ, тѣ же школьники — гимназія не такъ-то много даетъ, ея питомцы поступаютъ въ университетъ безъ всякаго опредѣленнаго, выработаннаго отношенія къ жизни—и ихъ нужно воспитывать, а во-вторыхъ, студентовъ нельзя учить какъ попало. Навсегда останется истиной: учителя дѣлаютъ не мундиръ или оффиціальное назначеніе, а внутреннее призваніе. Если таковое на лицо, онъ истинный учитель и, вѣрно, его дѣло будетъ плодотворно; если же призванія нѣтъ, человѣкъ, берущійся за учительство, не только не заслуживаетъ имени учителя, но достоинъ всякаго сожалѣнія.

Нужно сказать, что въ университетѣ вообще никакого единенія между профессорами и студентами нѣтъ.

Раньше было, когда 12 января, ради праздника просвѣщенія, въ годовщину своей almae matris, профессора и студенты пьянствовали вмѣстѣ по кабакамъ, ресторанамъ и частнымъ домамъ. Но послѣ 1905 года прекратилась и эта форма единенія между учителями и учениками. Теперь нѣтъ никакой. Профессора — чиновники по-казенному относятся къ своимъ обязанностямъ, тяготясь ими, какъ всякій чиновникъ тяготится своей службой, — такъ что студенты общаются съ ними только въ продолженіе двухъ лекціонныхъ часовъ, рѣдко имѣя возможность вступить съ учителемъ въ бесѣду и никогда — въ бесѣду по интересующимъ ихъ вопросамъ, возникающимъ у нихъ самостоятельно, не подъ вліяніемъ профессорскаго давленія.

Университетъ, конечно, не даетъ и никакого нравственнаго руководительства, давать которое обязана своимъ питомцамъ всякая школа. Молодежь жаждетъ поученія и, не получая его, попадаетъ часто въ такія условія жизни, которыя оказываются гибельными для нея. Изъ анкеты доктора Членова среди студентовъ Московскаго университета ясно видно, какой нравственный уровень занимаетъ русская уча-

щаяся молодежь. Это не удивительно, потому что отъ студентовъ спрятано все дѣйствительно высокое, наполняющее и облагораживающее душу.

Другимъ, съ которымъ я столкнулся, доказательствомъ отсутствія свободы преподованія въ университетѣ и его насилія является экзаменаціонная система. Вообще, въ оправданіе введенія экзаменовъ въ школѣ съ педагогической точки зрѣнія, т. е. съ точки зрѣнія заботы о наибольшемъ успѣхѣ учениковъ, нельзя сказать положительно ничего, — и это давно уже выяснено. Въ университетѣ же самый видъ экзаменовъ жалокъ до смѣшного: студенты, какъ восьмилѣтніе, десятилѣтніе школяры, получаютъ отмѣтки: „весьма“ или „у“ или „не у“, тянутъ билеты, срѣзаются, ибо, какъ это вполнѣ естественно при практикующемся въ университетѣ методѣ обученія, учатъ передъ экзаменами даже не всю программу по каждому данному предмету, а приблизительно ея начало, конецъ и середину,—лишь бы получить на экзаменѣ „у“ и съ нимъ вмѣстѣ зачетъ. При такомъ положеніи вещей, конечно, экзамены въ университетѣ ни въ коемъ случаѣ не могутъ служить показателями знаній студентовъ, а между тѣмъ именно для контроля этихъ знаній они и устроены: безъ экзаменовъ нельзя выдавать дипломы, т. е. удовлетворять главной цѣли всѣхъ поступающихъ въ университетъ. Контролерами являются профессора, сами чувствующіе здѣсь глупость своего положенія, но не протестующіе противъ него, потому что у нихъ нѣтъ права свободно высказывать свои мнѣнія: они продали это право.

2.

Итакъ, экзаменаціонная система и выдача дипломовъ окончившимъ ученье служатъ яркимъ доказательствомъ отсутствія свободы преподованія въ университетѣ. Кромѣ того, онѣ раскрываютъ всю подоплеку этого учрежденія, онѣ дѣлаютъ ясной его зависимость отъ государственнаго строя общественной жизни. Здѣсь нѣтъ даже и пресловутой науки

для науки, здѣсь есть наука для государства. Нѣтъ учителей, есть чиновники. Нѣтъ учениковъ, свободныхъ работниковъ, съ самостоятельными запросами и съ критическимъ отношеніемъ къ преподаваемымъ имъ ученіямъ и знаніямъ, а есть люди, подвергающіеся извѣстнаго рода гипнотизаціи. Конечная цѣль всѣхъ обучающихся въ университетѣ—это дипломъ и служба,—служба въ большинствѣ случаевъ у правительства, при томъ болѣе выгодная, чѣмъ та, на которую могутъ расчитывать не окончившіе университета.

Университетскій дипломъ является, такимъ образомъ, своего рода квитанціей на право праздной жизни, на шеѣ у трудового крестьянскаго и рабочаго народа.

Никакія автономіи университетовъ не улучшатъ дѣла, такъ какъ прямая цѣль высшихъ учебныхъ заведеній—подготовка государственныхъ чиновниковъ, какъ это и сказано въ новѣйшемъ проектѣ университетскаго устава министра Шварца.

Такъ можно ли, допустимо ли говорить здѣсь о наукѣ? Не сводится ли здѣсь все къ самой прозаической, если ужъ допускать это выраженіе, „борьбѣ за существованіе“, къ отчаянному стремленію завоевать возможность прочнаго матеріальнаго благополучія во всю жизнь?...

Разсмотрите тѣ многочисленныя нити, которыя связываютъ университетъ съ государствомъ, и вы должны будете согласиться съ утвержденіемъ, что университетъ не свободенъ, что „наукѣ“ (если можно назвать наукой то, что извѣстно подъ этимъ именемъ у г.г. профессоровъ) навязаны не свойственныя ей посторонніе задачи. Вспомните обязанности дисциплинарнаго профессорскаго суда, обязанность профессора—проректора слѣдить за паспортами студентовъ, за ихъ собраніями, удаленіе негодныхъ профессоровъ, исключеніе студентовъ, требованія свидѣтельствъ о политической благонадежности отъ вновь поступающихъ, процетную норму для евреевъ, недоступность университета — школы, источника знаній — для женщинъ и пр., пр.,—развѣ все это не симптомы полнаго подчиненія высшей школы дѣйствующему извнѣ вліянію?

И сами г.г. профессора, взявшіе на себя роль нашихъ учителей,—развѣ они могутъ идеально справиться съ ней, если однимъ глазомъ они смотрятъ на науку, а другимъ косятся на медальки и ленточки, на чины и „превосходительныя“ величанія, на трехъ-четырехъ тысячные оклады и пенсіи? Идеалъ ихъ—двухэтажный домъ на каменномъ фундаментѣ и съ надписью на воротахъ: „домъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника такого-то“... Даютъ ли г.г. профессора надежду, что они оправдаютъ свое высокое призваніе, если еще до сихъ поръ, къ стыду своему, они, наши преподаватели, считаются со смѣшнымъ оффиціальнымъ раздѣленіемъ на приватъ-доцентовъ, профессоровъ просто или экстраординарныхъ, т. е. получающихъ 3500 рублей, на профессоровъ ординарныхъ, т. е. получающихъ 4500 рублей, и на профессоровъ заслуженныхъ, т. е. такъ называемыхъ тайныхъ совѣтниковъ и получающихъ еще больше?...

Несомнѣнно университетъ—это одинъ изъ правительственныхъ органовъ, исполняющій извѣстныя, неизбѣжныя при государственномъ строѣ жизни, функціи. Это—фабрика дипломированныхъ, но не научное учрежденіе. По отношенію къ истинной наукѣ университетъ занимаетъ то же положеніе, что церковь по отношенію къ истинной религіи . . . . .

. . . . . .

Подвергнувшись въ университетѣ сильной и всесторонней муштровкѣ воли и ума, студентъ теряетъ (за рѣдкими исключеніями) всякую тѣнь независимости и внутренней свободы, покорно подставляетъ шею подъ ярмо, въ которое наряжаютъ его, и покорно бредетъ по проторенной уже тысячами его предшественниковъ дорожкѣ: идетъ въ судьи, въ податные инспектора, въ проституціонные врачи, въ прокуроры, учителя и инспектора гимназій, въ профессора и приватъ-доценты, въ губернаторы и министры... Начавъ пріучаться къ подчиненію въ гимназіи, еще не дававшимъ себѣ яснаго отчета во всемъ происходящемъ вокругъ мальчикомъ, онъ такъ привыкъ къ этому подчиненію, что, уже будучи взрослымъ человѣкомъ, остался настолько малодушнымъ, что безпрестанно прыгая и прыгая черезъ препятствія въ видѣ всевозможныхъ безконечныхъ экзаменовъ и коллок-

віевъ, достигъ, наконецъ, желанной цѣли—диплома, и вотъ—готовъ навсегда погрязнуть въ житейской тинѣ.

Но, быть можетъ, покажется невѣрнымъ сопоставленіе университета и гимназіи? Оно и впрямь, кажется, невѣрно. Университетъ, пожалуй, вреднѣе гимназіи,—вреднѣе въ томъ отношеніи, что зло, которое приносятъ гимназіи, явное, и мы всѣ видимъ его,—въ университетѣ же зло его замаскировано: отчасти маркой „высшаго“ учебнаго заведенія, отчасти—нѣкоторой внѣшней свободой учащихся, немного превосходящей гимназическіе порядки, а главнымъ образомъ—внушеніями профессоровъ, что только здѣсь—то, въ университетѣ и преподается настоящая наука, выше и кромѣ которой уже нѣтъ никакой. Помимо этого, самыя послѣдствія пребыванія въ университетѣ болѣе роковыя, чѣмъ въ гимназіи: по окончаніи избирается непремѣнно какая-нибудь карьера, и такимъ образомъ закрѣпляется вся та ложь, которой напичкали новоиспеченаго „гражданина своего отечества“ въ университетѣ.

3.

Всѣ окончившіе университетъ и получившіе дипломъ у насъ сейчасъ же поднимаются какъ въ собственныхъ глазахъ, такъ и въ глазахъ окружающихъ; и это не всегда основательно, такъ какъ въ иномъ студентѣ никакихъ перемѣнъ и не произошло за время пребыванія въ университетѣ: развѣ что только ему удалось „сплавить“ кое—какъ, съ грѣхомъ пополамъ, положенное число экзаменовъ. Между тѣмъ съ какимъ высокомѣріемъ смотритъ такой сынъ своей almae matris на тѣхъ, кому не удалось ни побывать въ университетѣ, ни дипломъ получить! Это совершенно то же высокомѣріе и презрѣніе, какое питаютъ офицеры и юнкера къ „штрюцкимъ“, т. е. къ простымъ смертнымъ, статскимъ, не имѣющимъ великаго счастья носить военный мундиръ.

Еще выше мнятъ о себѣ профессора. Они—сливки общества, культуртрегеры. И они ничуть не стѣсняются высказывать это вслухъ. Въ этомъ отношеніи, а также для выясненія взгляда на университетъ самихъ профессоровъ, характерны двѣ статьи, принадлежащія профессорамъ Мо-

сковск. университета Манулову и Озерову, въ недавно выпущенномъ Костромскимъ землячествомъ при университетѣ сборникѣ. Обѣ статьи написаны по поводу „университетскаго вопроса“. Первая изъ нихъ, принадлежащая главѣ Москов. университета, проф. Манулову, совершенно безцвѣтна со стороны и содержанія, и изложенія. Языкомъ гимназическихъ сочиненій, или профессорскихъ диссертацій, или канцелярскимъ, что почти одно и то же, она излагаетъ задачи университета съ чисто принципіальной, отвлеченной точки зрѣнія, шаблонно и неубѣдительно. Тонъ статьи—отечески-наставническій.—„Мы—ваши отцы, а вы—наши дѣти“,—такъ и слышится въ каждой страницѣ произведенія г. Манулова. Идею университета г. Мануловъ называетъ „великой“. Да, но только идея и велика, а практическаго приложенія въ нашей современности она совсѣмъ не нашла да, видимо, и не скоро еще найдетъ.

Статья Озерова ближе подходитъ къ самому дѣлу. Правда, она довольно многорѣчива, и въ ней много афоризмовъ въ стилѣ Козьмы Пруткова, въ родѣ того, что „нельзя на металлической вещи ставить золотую пробу, когда золота въ ней нѣтъ или очень-очень мало“; или: „чтобы выплавить изъ желѣза тонкую вещь, нужно много много знаній“... Но статья профессора интересна тѣмъ, что она указываетъ массу недостатковъ въ постановкѣ университетскаго преподаванія: называетъ профессоровъ „фальшивомонетчиками“ за то, что они выпускаютъ недостаточно подготовленную къ общественной дѣятельности молодежь; признаетъ желательнымъ не только расширеніе института вольнослушателей и допущеніе женщинъ въ университетъ на равныхъ основаніяхъ со студентами, но и открытіе дверей университета для „посторонних“ и для прессы; говоритъ много другого о необходимости общественнаго контроля надъ университетомъ и, вообще, о связи университета съ обществомъ; признаетъ, что студенты не могутъ быть судьями относительно той или другой научной силы; признаетъ, что при теперешней экономической обстановкѣ успѣшное занятіе наукой у студентовъ не можетъ итти; признаетъ, что „теперь въ университетахъ, особенно на юридическихъ факультетахъ, молодые люди зачастую

только воспринимаютъ опредѣленную сумму знаній, но они не научаются работать сами;“ наивно заявляетъ, что „очень желательно, чтобы допускалось работать на темы, избранныя самими работающими“ и т. д.*)

Такая откровенность дѣлаетъ честь проф. Озерову... Но какъ думаетъ устранить онъ эти недостатки? Оказывается, что надо повысить экзаменаціонныя требованія, сдѣлать экзамены публичными, а также созвать съѣздъ по университетскому вопросу, гдѣ можно бы придумать, какъ устранить всѣ эти недостатки, — съѣздъ, конечно, съ разрѣшенія и одобренія начальства, съ привѣтствіями отъ министра, попечителя округа и т. д. Мы должны требовать не только сухого (?) знанія“... „Мы, преподаватели высшихъ учебныхъ заведеній, должны сознать (?) въ полной мѣрѣ нашу строгую отвѣтственность“... „Я совершенно склоненъ думать, что насъ, преподавателей, общество въ правѣ было бы привлекать“... и т. д.,—расписывается проф. Озеровъ. Какъ много здѣсь чувства собственаго достоинства и великодушной снисходительности къ этому „обществу“! И нѣтъ ни слова о зависимости университета отъ государства. Г-нъ Озеровъ не замѣчаетъ, что многое изъ его мечтаній хотя и осуществлено въ заграничныхъ университетатахъ, но общее состояніе университетовъ и ихъ вліяніе на общество тамъ то же, что и у насъ, благодаря той же коренной причинѣ: отсутствію независимости школы.

Тамъ та же погоня за дипломомъ. Я знаю французскій университетъ, гдѣ студенты иной разъ чуть ли не впервые знакомятся съ названіемъ нѣкоторыхъ наукъ, которыя они якобы „превзошли“ въ университетѣ, изъ диплома, выданнаго имъ по окончаніи курса. Въ Австріи и Венгріи, какъ я знаю изъ вѣрнаго источника, по крайней мѣрѣ, одна треть всего числа окончившихъ гимназіи поступаютъ въ университетъ почти единственно для того, чтобы пріобрѣсть льготу

*) Характеръ еще болѣе откровенныхъ изліяній носитъ совсѣмъ недавно вышедшая брошюра прив.-доцен. Московск. Универ. Кольцова „Къ университетскому вопросу“. Въ ней описывается вся грязь закулисной дѣятельности гг. университетскихъ ученыхъ: кумовство, „генеральство“ и т. п. Не хочется останавливаться на этой брошюрѣ. Отсылаю къ ней интересующихся.

по отбыванію воинской повинности. За границей та же привиллегированность высшей школы. Въ Германіи, напримѣръ,— этой „культурнѣйшей" и „научнѣйшей" изъ всѣхъ современныхъ странъ,—университеты для простого народа недоступны; для него тамъ существуетъ Volksschule. У нѣмцевъ еще больше, чѣмъ у насъ, студенты славятся своими тупостью, развратомъ и страстью къ спиртнымъ напиткамъ. Тамъ та же, что и у насъ, погоня профессоровъ за чинами и орденами. Я знаю одного русскаго ученаго, который разсказывалъ о томъ, какъ въ молодости онъ ѣздилъ въ Германію совершенствоваться въ наукахъ. Между прочимъ, въ Геттингенѣ, при первой встрѣчѣ съ тамошней знаменитостью профессоромъ Валлахомъ, онъ замѣтилъ, что въ разговорѣ, какъ только онъ произносилъ слова: Herr Professor, то г. Валлахъ все морщился, а потомъ молодой русскій ученый узналъ отъ ассистента г-на Валлаха, что онъ совершилъ ужасную неловкость, называя этого самаго Валлаха Herr Professor, ибо этотъ самый Валлахъ былъ выше, чѣмъ простой Herr Professor: онъ былъ Herr Geheimrathe, т. е. тайный совѣтникъ. Анекдотъ этотъ замѣчательно характеренъ и точно передаетъ подлинную физіономію нашихъ монополистовъ науки.

Въ Германіи связь университета съ государствомъ откровеннѣе, пожалуй, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Кто изъ васъ не пропустилъ недавней телеграммы изъ Кенигсберга: „Въ университетѣ состоялось торжественное провозглашеніе кронпринца ректоромъ. Прибыла императорская чета съ принцемъ; состоялся парадъ перваго армейскаго корпуса".

Наука и парадъ армейскаго корпуса! Казалось бы, что можетъ быть между ними общаго? Но въ томъ-то и дѣло, что между современной университетской наукой и армейскими корпусами слишкомъ много общаго, чтобы не поддерживать имъ между собой постояннаго общенія.

Еще немного позже состоялся юбилей берлинскаго университета, столь же, если не болѣе, знаменитаго, чѣмъ кенигсбергскій. Здѣсь уже дефилировали передъ императоромъ не войска, а сами профессора съ ректоромъ во главѣ. Въ га-

зетахъ называли это „торжественная процессія“. Гг. профессора, одѣвшись въ какіе-то хитоны и шапочки особаго покроя съ легкимъ сердцемъ продѣлали эту комедію.

Такимъ образомъ, на Германіи мы съ особенной наглядностью видимъ, что современные университеты сдѣлались такою же принадлежностью военнаго государства, какъ генеральные штабы, воздухоплавательные парки и государственныя коннозаводства.

Все это забылъ проф. Озеровъ.

Но, какъ и всегда это бываетъ при недостаткѣ внутренняго содержанія, у насъ, какъ и за границей, силятся поднять авторитетъ университета установленіемъ внѣшнихъ мудреныхъ формъ: наряжаютъ студентовъ для пущей важности въ особаго покроя платье съ золотыми пуговичками и синими нашивочками и даже въ шпаги и треуголки; профессора награждаютъ другъ друга разными громкими наименованіями: экстраординарными и ординарными, магистрами, докторами, доцентами и приватъ-доцентами, деканами, президентами и т. п. и очень этому рады, какъ пятилѣтніе дѣти; самые университеты именуются „Императорскими“...

Скажутъ: можно исправить недостатки университета. Я скажу: они уничтожатся прежде всего только тогда, когда наша школа совершенно и безъ малѣйшихъ изъятій освободится отъ связи съ государствомъ. Если, сравнительно съ прежнимъ временемъ, постановка преподаванія въ университетѣ все улучшается, то соотвѣтственно увеличивается и ростъ духовнаго сознанія человѣчества, и повышаются требованія къ университету; стать же на уровнѣ этихъ требованій университетъ никогда не можетъ: какъ учрежденіе, призванное не поощрять внутреннюю свободу своихъ питомцевъ, а обуздывать ее, онъ всегда будетъ стоять ниже этихъ требованій.

Повидимому, изъ современныхъ европейскихъ странъ дальше всѣхъ ушла въ смыслѣ освобожденія школы отъ связи съ государствомъ свободолюбивая Швейцарія. Но и тамъ связь эта не вполнѣ нарушена: университеты выдаютъ дипломы, на осно-

ваніи выпускныхъ экзаменовъ, — разумѣется, не безъ задней мысли — оказать услугу буржуазному обществу — штемпелюя такимъ образомъ свой товаръ. Но, на мой взглядъ, всякое такое штемпелеваніе съ чистыми задачами истинной науки несовмѣстимо.

Приведу, однако, здѣсь, чтобы не заслужить упрековъ въ односторонности и пристрастномъ освѣщеніи предмета, подлинное письмо студента цюрихскаго университета, съ краткими, но довольно характерными отвѣтами на рядъ поставленныхъ ему мною вопросовъ:

„1. Цюрихскій университетъ, какъ и всѣ университеты Швейцаріи, принадлежитъ кантону, въ которомъ находится, т. е. кантону Цюрихъ, землѣ въ какихъ-нибудь 1700 km^2, и т. к. каждый кантонъ въ своей внутренней жизни совершенно независимъ отъ союза, то зависимость между университетомъ и государствомъ сводится къ зависимости университета отъ кантона Цюрихъ. Экзаменовъ (кромѣ государственнаго нашего, т. е. здѣсь окончательнаго, дипломнаго) здѣсь нѣтъ. Все сводится къ подписи профессора въ книжкѣ при пріемѣ студента въ число своихъ слушателей и въ концѣ семестра — въ удостовѣреніе того, что лекціи прослушаны или практическія работы выполнены. Въ академической жизни есть свобода въ томъ отношеніи, что профессоръ безконтрольно предоставленъ самому себѣ и имѣетъ возможность вести преподованіе какъ захочетъ. Такимъ образомъ, въ жизни университета, по крайней мѣрѣ поскольку я съ нимъ соприкасался, совершенно не чувствуется какой-бы то ни было зависимости отъ государства.

2. Я имѣлъ мало поводовъ для оцѣнки серьезности научной подготовки, получаемой здѣсь. Могу сказать слѣдующее. Аудиторіи, къ которымъ я принадлежалъ, состояли изъ 16—18 человѣкъ. Каждый

изъ слушателей въ всякомъ случаѣ зналъ основы слушаемаго предмета (что понятно при томъ тѣсномъ соприкосновеніи, въ которое при такой маленькой аудиторіи студентъ входитъ съ преподавателемъ). Одинъ русскій студентъ, бывшій въ той же аудиторіи, съ большой серьезностью и интересомъ, даже радостью, занимался слушаемыми математическими науками. У меня есть еще одинъ знакомый — швейцарецъ — цюрихскій студентъ (изучаетъ романскіе языки и литературы), который по части языковѣдѣнія обладаетъ большими знаніями. Онъ, повидимому, съ большимъ удовольствіемъ изучаетъ въ университетѣ и санскритъ, и разныя провансальскія нарѣчія, и Аріоста и т. д.

3. Предыдущее можетъ уже немного характеризовать студенчество. Что касается большинства, толпы, то, не говоря о томъ, что я не имѣлъ мѣста ее хорошо наблюдать, швейцарцы по характеру очень замкнуты и трудно отгадать ихъ душу.

4. Я слушалъ двухъ профессоровъ, при чемъ въ лѣтнемъ семестрѣ здѣсь не было по математикѣ особо выдающихся профессоровъ. Вообще же, въ Цюрихѣ по части математики и физики были всегда очень большія головы. (Въ серединѣ 19-го столѣтія былъ профессоромъ геніальный физикъ Clausius, еще въ прошломъ году былъ еще очень большой физикъ Einstein, недавно еще были здѣсь профессорами Frobenius, Burckhardt). Такія головы, какъ на это ни смотрѣть, во всякомъ случаѣ — свѣтлое окошко. Скажу о тѣхъ профессорахъ, которыхъ я слушалъ. Одинъ былъ уже старичекъ, но очень добросовѣстно читавшій. Русскій студентъ, о которомъ я упоминалъ, не могъ однажды на упражненіяхъ по начертательной геометріи понять задачи. Тогда профессоръ подсѣлъ къ нему и, вопреки его просьбѣ объяснить ему только, что собственно требуется найти, рѣшилъ ему задачу у него въ тетради самымъ подробнымъ и доска-

нальнымъ образомъ. Другой профессоръ читалъ очень живо и остроумно, при этомъ постоянно старался (особенно на упражненіяхъ), ввести всю аудиторію въ работу, спрашивая во время чтенія всѣхъ слушателей съ мѣста, прося диктовать ему то или другое. На упражненіяхъ же обходилъ каждый разъ всѣхъ, при этомъ давалъ задачи, многія изъ которыхъ были очень интересны.

5. Конечно, какъ и вся жизнь здѣсь, профессора и студенты во многомъ отличаются отъ русскихъ. (Напримѣръ,—полное отсутствіе фамильярности между студентами, сухая серьезность въ аудиторіи). Вообще здѣсь въ университетѣ обстановка совсѣмъ домашняя, въ отличіе отъ нашей оффиціальной. Повторяю, я сужу только по небольшому кругу, который имѣлъ возможность наблюдать. Знаю, что здѣсь есть студенческія корпораціи, на подобіе нѣмецкихъ, но дуэль здѣсь карается тюрьмой, такъ что во всякомъ случаѣ въ нихъ нѣтъ такой дикости, какъ въ Германіи.

6. Насколько я замѣтилъ, значительная доля работы производится здѣсь студентами въ университетѣ, особенно въ семинаріяхъ.

Вообще я могу сказать, что здѣсь есть условія для серьезной работы, въ комъ есть потребность".

Изъ письма можно заключить, что, повидимому, преподаваніе въ Цюрихѣ стоитъ выше, чѣмъ у насъ: именно поскольку высшая школа тамъ менѣе зависима отъ государства. Что касается имѣющей мѣсто въ письмѣ характеристики личнаго состава университета, то по поводу ея хочется сдѣлать слѣдующее замѣчаніе. Выходитъ, что въ Цюрихѣ б ы л и когда-то знаменитые ученые, а теперь приходится утѣшаться воспоминаніями о нихъ и довольствоваться посредственными профессорами. Но зачѣмъ довольствоваться, почему не изучать самостоятельно классиковъ? Разрѣшеніе вопроса, по-моему, вотъ въ чемъ: университетъ, состоящій хотя и изъ плохихъ

профессоровъ, все-таки даетъ дипломъ. Характеристика студенчества очень относительна: „нѣтъ такой дикости, какъ въ Германіи“.—Многія задачи, задаваемыя профессоромъ, интересны,—пишетъ цюрихскій студентъ,—значитъ, есть и, можетъ быть, еще въ большемъ количествѣ, неинтересныя! И мнѣ опять положительно непонятно: зачѣмъ же заниматься неинтересными? Изъ научной работы только „значительная“ часть производится въ университетѣ, остальная—какъ и у насъ—внѣ его, самостоятельно.

Впрочемъ, не буду придирчивымъ. Это—между прочимъ, вообще же, забѣгая впередъ, скажу, что въ отдѣлѣ 5-мъ этой статьи я излагаю возраженія еще другого, болѣе общаго, принципіальнаго свойства противъ характера университетскаго обученія. Ихъ я обращаю цѣликомъ и противъ цюрихскаго, какъ и всякаго современнаго университета обыкновенной формаціи. Прочтя ихъ, вы поймете, между прочимъ, почему упоминаніе въ письмѣ о студентѣ, „съ удовольствіемъ изучающемъ и санскритъ, и провансальскія нарѣчія, и Аріоста, и т. д.“ вызвало у меня улыбку.

Кстати, авторомъ этого письма является одинъ молодой даровитый математикъ, бывшій студентъ Московскаго университета. Помню, однажды въ Москвѣ я просилъ его отвѣтить мнѣ, положа руку на сердце, считаетъ-ли онъ университетское образованіе необходимымъ.—Не знаю,—отвѣтилъ онъ,—можетъ быть, кто-нибудь и не можетъ обойтись безъ университета, а я, при своихъ занятіяхъ, не испытываю въ немъ нужды.

Но... увы! — молодой человѣкъ имѣетъ такъ называемыхъ интеллигентныхъ родителей, при добромъ и мягкомъ характерѣ.

4.

Въ такомъ случаѣ, гдѣ же учиться людямъ?

Прежде всего, учиться человѣкъ долженъ самостоятельно. Это требованіе вытекаетъ изъ того положенія, что наука не

есть такая штука, которую можно пристегнуть и не пристегнуть къ человѣку: занятія ею только тогда продуктивны и дѣйствительно нужны, когда въ головѣ человѣка возникаютъ извѣстные вопросы, которые онъ и стремится удовлетворить наиболѣе полно, черпая знанія изъ сокровищницы наукъ. Онъ совершенно не нуждается въ профессорахъ, которые бы натаскивали его, едва не насильно, въ той или другой области знанія. Ему нужны только библіотеки, музеи и лабораторіи, которые должны быть общественными и открыты для всѣхъ желающихъ. Если этого нѣтъ сейчасъ, то нужно стремиться къ такому порядку, не тратя силъ на созданіе новыхъ университетовъ, которые бы замыкались въ своихъ четырехъ стѣнахъ, работая никому не нужную работу. При такомъ взглядѣ на науку и сущность образованія не трудно догадаться, что можно отвѣтить тѣмъ защитникамъ казенныхъ школъ, которые утверждаютъ, что такой порядокъ немыслимъ, такъ какъ для молодежи цѣнно извѣстное принужденіе во время обученія, которое не даетъ отвлекаться отъ работы, торопитъ и заставляетъ непремѣнно кончить работу, чего при самостоятельныхъ занятіяхъ молодой человѣкъ оказался бы, быть можетъ, не въ силахъ выполнить. На это можно сказать только, что такому человѣку наука вовсе не нужна, или она недостаточно его интересуетъ, разъ у него не хватаетъ терпѣнія заняться ею. И самое лучшее, что можно посовѣтовать такому человѣку, это—оставить книгу и заняться болѣе интереснымъ и подходящимъ для него дѣломъ. Наука же существуетъ не для полученія за занятія ею диплома.

Способность же методически расширять свои познанія и систематизировать ихъ пріобрѣтается и внѣ университета. Помимо библіотекъ и музеевъ, къ услугамъ каждаго—спеціальныя программы. Вѣдь и въ университетѣ фактически большинство студентовъ (во всякомъ случаѣ—филологовъ, юристовъ, математиковъ) занимаются дома, по учебникамъ и печатнымъ лекціямъ. Вполнѣ самостоятельно, располагая книгами и развѣ еще добровольными указаніями свѣдующихъ людей, можно заниматься и опытными науками: медициной, естествознаніемъ, механикой. Кто стремится безкорыстно къ

образованію, тотъ всегда найдетъ возможность для этого и помимо университета, который въ большинствѣ случаевъ не облегчитъ, а только затруднитъ работу.

Большинство выдающихся людей всѣхъ націй не учились въ университетѣ и часто только потому и дѣлались выдающимися, что не испытали вліянія университета, губящаго въ каждомъ дарованіи все непосредственное, сильное, оригинальное, истинно драгоцѣнное. Я не говорю уже о писателяхъ — беллетристахъ и поэтахъ, изъ которыхъ на одного учившагося въ университетѣ безспорно приходится, по крайней мѣрѣ, 10 не получившихъ почти никакого, такъ называемаго „правильнаго“ образованія, т. е. не высидѣвшихъ на казенной скамейкѣ положеннаго числа лѣтъ. Между тѣмъ каждый изъ нихъ не только по широтѣ своего міровоззрѣнія, но прямо и по количеству накопленныхъ знаній, превзойдетъ 10 нашихъ присяжныхъ „интеллигентовъ“, съ университетскими дипломами, вмѣстѣ взятыхъ. И дѣло здѣсь вовсе не въ ихъ исключительной талантливости, во что сейчасъ же, конечно, упрутъ защитники университета. Нѣтъ, причина здѣсь въ томъ, что они дали свободно развиваться своимъ природнымъ задаткамъ, соотвѣтственно лишь собственнымъ духовнымъ запросамъ и не гонясь ни за наградами, ни за правами. То же самое — выдающіеся мыслители, философы. Теперь творенія ихъ служатъ матеріаломъ для изученія и изслѣдованія въ университетахъ, доставляя хлѣбъ профессорамъ, а между тѣмъ они сплошь и рядомъ не знали университета, а нѣкоторые и открыто высказывались противъ него.

Такъ, Гартманъ не учился въ университетѣ и благословлялъ за это судьбу. Шопенгауэръ проклиналъ университетскую философію, „ту, — какъ онъ говорилъ, — добрую питательную университетскую философію, которая пробирается своимъ путемъ, отягченная сотнями цѣлей и тысячами соображеній, имѣя во всякое время передъ глазами страхъ Господень, волю министерства, догматы мѣстнаго исповѣданія, желанія издателя, сочувствіе студентовъ, доброжелательство товарищей, ходъ политики дня, минутное направленіе публики и все тому подобное“. Кантъ былъ того мнѣнія, что „изъ академій выходитъ въ жизнь больше нелѣпыхъ головъ, чѣмъ

изъ какого-нибудь другого общественнаго класса". Онъ говорилъ также, что „болтовня высшихъ учебныхъ заведеній есть большей частью соглашеніе уклоняться отъ рѣшенія трудныхъ вопросовъ, придавая словамъ измѣнчивый видъ". Лихтенбергъ говорилъ: „Избави Богъ, чтобы человѣкъ, учителемъ котораго является вся природа, долженъ былъ сдѣлаться кускомъ воска, чтобы на немъ отпечаталъ свой возвышенный образъ какой-нибудь профессоръ". Англійскій моралистъ Карпентеръ, оставленный при Кембриджскомъ университетѣ по окончаніи его, для подготовки къ преподавательской дѣятельности, скоро увидѣлъ, какъ онъ выражается, что онъ „долженъ или задохнуться или уйти изъ университета",—и онъ предпочелъ послѣднее. Американскій мыслитель Генри Давидъ Торо говорилъ, что если онъ и обязанъ чѣмъ университету, такъ только благодаря его библіотекѣ, а никакъ не ректорамъ и профессорамъ. А вотъ отзывъ Ник. Гавр. Чернышевскаго объ университетѣ: „Характеръ школьнаго преподаванія — сухое, тупоумное педанство. Это почти неизбѣжно такъ, по самой сущности дѣла. Кому не надоѣстъ 10—20 лѣтъ толковать, годъ за годъ, все одно и то же. Учитель, профессоръ, почти всегда занимается своимъ дѣломъ съ отвращеніемъ; и, для облегченія своей тоски, замѣняетъ науку простой формалистикой. А вдобавокъ обыкновенно и глупѣетъ отъ глупой скучности своего ремесла". Не только совершенно отрицаетъ необходимость университетскаго образованія, но признаетъ вліяніе его въ высшей степени вреднымъ великій нашъ современникъ Левъ Николаевичъ Толстой.

Совершенно не учились въ университетѣ Д. С. Милль, Монтэнь, Гербертъ Спенсеръ, неокантіанецъ Ренувье, Фихте Старшій, получившій только элементарное школьное образованіе, Мэнъ-де-Биранъ, французскій метафизикъ, О. Контъ, учившійся только въ Политехнической школѣ и не кончившій ея. Но не только философы, а и представители другихъ отраслей знанія часто достигали выдающагося положенія въ наукѣ, не учившись въ высшей школѣ. Знаменитый математикъ Бессель ни въ какихъ школахъ вообще не учился и занимался самостоятельно, будучи служащимъ торговаго дома. Не учились въ университетѣ математики Неперъ и

Лапласъ, послѣдній изъ которыхъ извѣстенъ и своими открытіями въ астрономіи. Знаменитый французскій историкъ Мишлэ не учился въ университетѣ. Нашъ археологъ и историкъ Забѣлинъ не получилъ не только университетскаго, но и гимназическаго образованія. Изъ экономистовъ не учились въ университетѣ — Сенъ-Симонъ, Робертъ Оуэнъ, Фурье, Рикардо, Прудонъ, Фридрихъ Энгельсъ, Генри Джорджъ.

Возразятъ, что романы и стихи писать, а пожалуй, и философскія системы строить можно и не получивши „правильнаго“, т. е. университетскаго образованія, но зато безъ него кажется совершенно немыслимымъ изученіе естествознанія. Исторія, однако, показываетъ, что и этого нельзя сказать.

Наведемъ справки.

Бывшій не только философомъ и математикомъ, но и естествоиспытателемъ Паскаль въ университетѣ не учился. Не только экономистъ, но и естествоиспытатель Вен. Франклинъ, сынъ бѣднаго ремесленника, не кончилъ даже и средней школы, долго былъ служащимъ въ различныхъ типографіяхъ и пріобрѣлъ знанія самостоятельно. Фарадей, величайшій физикъ XIX столѣтія, былъ сыномъ кузнеца, въ юности зарабатывалъ хлѣбъ ремесломъ переплетчика, былъ чистильщикомъ сапогъ, а затѣмъ ассистентомъ у знаменитаго химика Дэви и, никогда не учившись въ университетѣ, пріобрѣлъ познанія самостоятельно, чтеніемъ и во время научныхъ путешествій съ Дэви. Самъ Дэви былъ сыномъ рѣзчика по дереву, по окончаніи низшей школы бралъ уроки у сельскаго аптекаря и хирурга, работалъ самостоятельно и университетскаго образованія не получилъ. Извѣстный физикъ Румфордъ былъ офицеромъ и въ университетѣ не учился. Физикъ Фаренгейтъ былъ купцомъ и въ университетѣ не учился. Извѣстный зоологъ Ламаркъ сначала служилъ въ военной службѣ, затѣмъ былъ членомъ банкирскаго дома и работалъ самостоятельно, не учившись въ университетѣ. Изобрѣтатель желѣзной дороги Стефенсонъ былъ простымъ рабочимъ, затѣмъ директоромъ коней и не только въ университетѣ, но и вообще нигдѣ въ школахъ не учился. Не получилъ никакого оффиціальнаго образованія и другой знаменитый изобрѣтатель, нашъ современникъ, Эдиссонъ.

Много, вѣроятно, было и другихъ людей, сумѣвшихъ найти пути для своего развитія и безъ помощи университетовъ, правительственной школы. Если это и требовало отъ нихъ большаго напряженія жизненныхъ силъ, перенесенія страданій и лишеній, то они должны были быть болѣе счастливы, чѣмъ тѣ люди, все духовное „я“ которыхъ опредѣляется и развивается по направленію, внушенному извнѣ, по чужой указкѣ. Имъ не пришлось испытывать того вѣчнаго чувства собственной зависимости отъ чьей-то другой, грубой и невѣжественной воли. И въ значительной мѣрѣ, только вслѣдствіе самостоятельности въ дѣлѣ собственнаго развитія, многіе изъ перечисленныхъ великихъ дѣятелей науки и могли найти самихъ себя, такъ какъ никакой школьный режимъ не препятствовалъ свободному проявленію ихъ призванія.

Съ другой стороны, извѣстно много случаевъ, когда будущіе знаменитые ученые и писатели, поступая въ школу, не только не получали удовлетворенія своихъ духовныхъ запросовъ, но, напротивъ, страдали отъ школьнаго режима и тяготились своимъ положеніемъ. Конечно, при этомъ школа,—безразлично, элементарная или высшая,—обнаруживала полное непониманіе исключительности и даровитости ихъ натуръ. Гегелю, напримѣръ, университетъ выдалъ дипломъ, въ которомъ будущій знаменитый философъ аттестовался какъ—я привожу буквальное выраженіе—„идіотъ въ философіи“. И вѣдь это отнюдь не единичный случай. У насъ въ Россіи, въ Москвѣ, Бѣлинскій былъ исключенъ изъ университета „за неспособность“.

Поражаетъ также и то обстоятельство, что часто изучившій въ университетѣ одну спеціальность впослѣдствіи дѣлается извѣстнымъ какъ работникъ въ совершенно другой области. Напр., Дарвинъ, слушалъ лекціи на богословскомъ факультетѣ, готовясь къ духовному званію, и притомъ кончилъ университетъ очень плохо. Эйлеръ, одинъ изъ величайшихъ математиковъ XVII ст., также изучалъ въ университетѣ, по желанію отца, готовившаго его въ пасторы, богословіе и восточные языки. Гете въ университетѣ изучалъ право, а впослѣдствіи прославился не только какъ великій поэтъ,

но и какъ естествоиспытатель. Университетъ же оставилъ въ немъ самыя нелестныя воспоминанія („Фаустъ“).

Много также было примѣровъ, когда знаменитые впослѣдствіи ученые поступали въ университетъ, но не кончали его. Такъ, вышли изъ университета, не окончивши въ немъ курса, Ньютонъ, нѣмецкій педагогъ Фребель, экономистъ Сисмонди и др.

Итакъ: многіе знаменитые представители всѣхъ отраслей знанія совершенно не учились въ университетѣ; университетъ часто обнаруживалъ полное непониманіе исключительности и даровитости натуръ нѣкоторыхъ своихъ питомцевъ: многіе выдающіеся ученые во время пребыванія въ университетѣ, подъ давленіемъ разныхъ внѣшнихъ причинъ, изучали совершенно другую область знанія, чѣмъ та, въ которой они впослѣдствіи работали; наконецъ многіе знаменитые ученые въ молодости покидали университетъ не кончивши его.

Все это доказываетъ, что прохожденіе университетскаго курса и возможность широкой научной дѣятельности вовсе не стоятъ въ непремѣнной причинной зависимости между собой. Но достаточно наличности и этого положенія, чтобы имѣть право скептически отнестись къ научному значенію университета. Какъ мы и стремились показать, значеніе это очень не велико и крайне двусмысленно. Скудныя научныя свѣдѣнія покупаются въ университетѣ дорогой цѣной духовнаго рабства въ теченіе пребыванія въ немъ и, въ большинствѣ случаевъ, окончательной утраты индивидуальныхъ особенностей личности, ея внутренней, духовной свободы и, если ужъ быть до конца откровеннымъ,—цѣной ея человѣческаго достоинства.

5.

Такова постановка преподаванія въ университетѣ. Но въ связи съ критикой ея, самъ собою назрѣваетъ вопросъ, необходимость разрѣшенія котораго должна невольно чувствоваться: что такое то, что такъ плохо преподается въ университетѣ,—что такое наука? Нѣчто абсолютно высокое и стоящее внѣ всякихъ попытокъ критическаго отношенія къ ней, или же, что естественнѣе при общемъ ненормаль-

номъ строѣ современной жизни и уродливости внутреннихъ взаимоотношеній людей ученаго цеха,—пониманіе науки, свойственное нашему времени, при анализѣ его, тоже даетъ не мало матеріала для обобщеній и выводовъ далеко не положительнаго характера?

Можно сказать, что современная наука основана на двухъ принципахъ: потребности теоретическаго познанія и необходимости практическихъ, прикладныхъ свѣдѣній. Первый изъ нихъ опредѣляется лозунгомъ: „знаніе для знанія“. Люди, вѣрящіе въ него, говорятъ, что они „посвятили свою жизнь наукѣ“, и ставятъ себѣ въ особенную заслугу, что изъ тѣхъ многочисленныхъ свѣдѣній о разныхъ предметахъ, которыя они всю жизнь стремятся пріобрѣтать, нельзя сдѣлать никакого употребленія для жизни. Принципъ этотъ—„знанія для знанія“, очевидно, ложенъ. Не говоря уже о томъ, что любопытство узнавать все о разныхъ предметахъ, независимо оть того, насколько это важно и нужно для человѣческой, долженствующей быть разумной жизни,—мыслимо только въ быту совершенно праздныхъ людей, освободившихъ себя отъ борьбы съ природой за существованіе и насильно взвалившихъ эту борьбу на плечи другихъ,—не говоря объ этомъ, самая мысль о томъ, чтобы пріобрѣтать все больше и больше знаній о чемъ угодно, безъ всякаго разбора, не можетъ не казаться разумному человѣку совершенно дикой. Въ самомъ дѣлѣ, предметовъ для изученія въ мірѣ—безчисленное количество, въ буквальномъ смыслѣ этихъ словъ. Жизнь же человѣческая коротка. Не только одной, но и 20, и 100 человѣческихъ жизней не хватило бы на то, чтобы исчерпать область свѣдѣній о всѣхъ явленіяхъ міра или даже какой-либо одной его стороны. Но вѣдь каждый изъ насъ живетъ здѣсь только одну жизнь. Неужели же она должна пройти въ безсмысленномъ накапливаніи, и въ вѣчной вознѣ съ ними, и въ переворачиваніи слѣва направо и справа налѣво всевозможныхъ свѣдѣній (хотя бы изъ одной, случайно избранной области знанія), никому ни на что въ сущности не нужныхъ? Вѣдь имѣетъ же какой-нибудь свой смыслъ каждая жизнь человѣческая? Вѣдь не въ томъ же онъ, чтобы до тупости набить голову ученымъ багажемъ и умереть?

Какой смыслъ въ такомъ „посвященіи себя наукѣ“, въ стремленіи къ знанію для знанія?“ Благо грядущихъ поколѣній? Но вѣдь имъ предстоитъ та же безсмысленная работа надъ тѣмъ же неисчерпаемымъ матеріаломъ. Въ этомъ ли жизнь, жизнь ли это? Конечно, нѣтъ и не въ этомъ жизнь.

Съ другой стороны, отрасли современной науки, преслѣдующія практическія, прикладныя цѣли, столь же мало могутъ удовлетворить разумное человѣческое сознаніе. Такъ какъ и въ нихъ нѣтъ никакого критерія того, что хорошо и нужно, и того, что дурно, ложно и безполезно,—то, наряду съ крупицами истиннаго знанія, въ нихъ заключается такая масса грубыхъ суевѣрій, шарлатанства, хитросплетеній и лжи, что въ этой лжи, и въ этихъ суевѣріяхъ крупицы истиннаго знанія безслѣдно тонутъ. Таковы: политико-экономическія науки, съ ихъ единственнымъ raison d'être—оправдать насиліе угнетателей надъ угнетенными; юриспруденція, занимающаяся вопросами о пресѣченіи преступленій, которыя являются прямымъ слѣдствіемъ ненормальнаго общественнаго строя, признающагося, однако, при этомъ незыблемымъ; продолжающія дѣло экономическихъ и юридическихъ—историческія науки, возводящія существующее насиліе въ неизбѣжный законъ развитія человѣческихъ обществъ; медицина, съ ея потворствомъ ненормальной жизни современныхъ людей, болѣющихъ въ городахъ отъ излишествъ и праздности, а въ деревняхъ—отъ недоѣданія и сверхсильной, тяжкой работы,—медицина, съ ея лѣкарствами, вивисекціей и съ пережиткомъ людоѣдства—мясоѣденіемъ; техника и прикладное естествознаніе—съ ихъ подслуживаніемъ капиталу.

Современная наука, та самая, которая и преподается въ университетахъ—какъ тѣ прекрасныя мраморныя колонны въ вестибюлѣ главнаго корпуса нашего университета, которыя такъ привлекаютъ взглядъ своею роскошью; колупни ножичкомъ—камень поддается и оказывается не мраморомъ, а пескомъ. Роскошь царствующей науки, часто прельщающая неопытный умъ, такъ же поддѣльна, какъ поддѣльна, роскошь этихъ колоннъ: притронься остріемъ анализа, и окажется, что все величавое и незыблемое по внѣшнему

виду зданіе царствующей, университетской науки—построено изъ крайне недоброкачественнаго, гнилого матеріала, съ претензіями же огромными.

Знанія о томъ, какъ наилучшимъ образомъ провести человѣку тотъ небольшой срокъ, который ему суждено прожить на землѣ, несомнѣнно нужны и полезны и одни только составляютъ истинную науку. Но, чтобы отдѣлить въ области знанія истинное и важное отъ ложнаго и неважнаго, нуженъ критерій, котораго сама наука не можетъ дать. Не можетъ дать и философія, превратившаяся изъ науки о смыслѣ человѣческой жизни въ рядъ напыщенныхъ, тяжеловѣсныхъ системъ, отвергающихъ одна другую и одна передъ другой щеголяющихъ утонченностью умствованій, ученостью и хитрыми софизмами, но, по большей части, годныхъ только для умственной эквилибристики сбившихся съ панталыку людей, а никакъ не для руководства жизни.

Остановлюсь здѣсь кстати и на „университетской“ психологіи. Впечатлѣніе, оставшееся отъ нея у меня въ головѣ, очень сходно съ тѣмъ, какое произвела она на бывшаго студента нѣмецкаго университета Отто Вейнингера. Какъ и ему, мнѣ пришлось считаться съ общимъ современнымъ увлеченіемъ такъ называемой „экспериментальной психологіей“. И я оказался тѣмъ студентомъ (но только не на нѣмецкой, а на русской почвѣ) про котораго Вейнингеръ говоритъ, что онъ „слушаетъ лекцію по психологіи и жаждетъ понять самаго себя“, а „психологія рычага и винтиковъ“ разочаровываетъ его, предлагая, вмѣсто этого, „изслѣдовать процессъ запоминанія односложныхъ словъ или вліяніе небольшихъ дозъ кофе на ариѳметическую работу“. Вейнингеръ даже ставитъ вопросъ, „подозрѣваютъ ли эти прилежные экспериментаторы о существованіи психической жизни вообще“. Увы!—основываясь на горькомъ опытѣ, и я ставилъ себѣ этотъ вопросъ. Экспериментальная психологія не только не дала ни одного глубокаго

указанія на болѣе глубокіе корни душевной жизни человѣка; она не только не допускаетъ ничего, кромѣ спорадической сводки (не говорю уже о систематической обработкѣ) всѣхъ этихъ безчисленныхъ рядовъ опытовъ, но самый методъ ея—начинать извнѣ, чтобы затѣмъ пробираться къ ядру—ложенъ“ (Вейнингеръ). Но дѣло не только въ экспериментальной психологіи, сомнѣвающійся субъектъ забираетъ здѣсь глубже и область его сомнѣнія гораздо шире. Вейнингеръ прекрасно характеризуетъ предметъ этого сомнѣнія. „Въ основѣ своей всякая психологія хочетъ вывести невыводимое,—говоритъ этотъ замѣчательный и оригинальный мыслитель,—точнѣе говоря: ея послѣдней цѣлью было бы доказать, вывести для каждаго человѣка его существованіе и его сущность. Но тогда каждый человѣкъ, даже и въ своей глубочайшей основѣ, былъ бы только слѣдствіемъ нѣкоторой причины, былъ бы детерминированъ..... Въ тотъ моментъ, когда я вполнѣ сдѣлался бы предметомъ дедукціи, вполнѣ былъ бы подведенъ подъ извѣстныя опредѣленія, я потерялъ бы всякую цѣнность и оказался бы лишеннымъ души. Со свободой хотѣнія, а также мышленія (послѣднюю необходимо присоединить къ первой), несовмѣстимо то допущеніе безусловной мотивированности, съ котораго начинается всякій психологическій анализъ. Кто подобно Канту и Шопенгауэру вѣрилъ въ свободный субъектъ, тотъ долженъ былъ отрицать возможность психологіи какъ науки. Но кто вѣрилъ въ психологію, для того свобода субъекта не являлась даже логической возможностью“. И еще: „Чѣмъ выше психологическій даръ человѣка, тѣмъ скучнѣе для него всѣ современныя психологіи. Всѣ онѣ упорно игнорируютъ то единство, на которомъ зиждется психологическая жизнь человѣка и только въ заключительномъ своемъ отдѣлѣ онѣ неожиданно и непріятно поражаютъ

насъ, поднимая вопросъ о развитіи гармонической личности. Хотѣли то единство, которое одно и является истинной безконечностью, построить изъ большаго или меньшаго числа опредѣляющихъ его элементовъ... Кто слѣдуя за идеализмомъ, не хочетъ жертвовать душой, тотъ долженъ отказаться отъ психологіи; кто воздвигаетъ психологію, убиваетъ душу". Я ничего не могу прибавить къ этимъ удивительнымъ замѣчаніямъ Вейнингера о „научной" психологіи, но раздѣляю ихъ отъ души. Мимо подобныхъ тирадъ, конечно, съ полнымъ пренебреженіемъ пройдутъ современные профессора психологіи. А напрасно!

Дать критерій истиннаго и ложнаго знанія можетъ только тотъ внутренній голосъ совѣсти и разума, который живетъ во всѣхъ людяхъ и всѣми одинаково сознается и который религіозные люди называютъ голосомъ Бога.

Смыслъ человѣческой жизни состоитъ въ стремленіи къ благу. Единственное истинное благо людей, зависящее отъ нихъ самихъ, ничѣмъ не нарушимое и никѣмъ не могущее быть отнятымъ, заключается въ любовномъ единенія ихъ между собою и съ Богомъ, т. е. не умирающимъ высшимъ духовнымъ началомъ, живущимъ въ душѣ каждаго человѣка. Чтобы достигнуть истиннаго блага, человѣкъ долженъ стремиться къ самосовершенствованію, т. е. къ отреченію отъ сознательнаго служенія похотямъ тѣла и къ жизни только для Бога.

Нужно испытать благо жизни по волѣ Бога, чтобы никогда не отступать отъ такой жизни или хотя бы не переставать стремиться къ ней.

И если въ совершенствованіи, въ приближеніи къ совершенству Отца-Бога, человѣкъ положитъ главную цѣль своей жизни, то для него невольно всѣ знанія распредѣляются по степени ихъ важности соотвѣтственно этой главной цѣли. На первое, по важности, мѣсто становятся тѣ знанія, которыя могутъ содѣйствовать человѣку въ выполненіи назначенія его жизни, поскольку эта жизнь здѣсь, на землѣ, протe-

кает въ зависимости отъ пространственныхъ и временныхъ условій. Далѣе становятся на свои соотвѣтственныя мѣста:—знанія, которыя не имѣютъ непосредственнаго отношенія къ главной задачѣ жизни человѣка, и знанія, которыя, хотя посторонни ей, но не препятствуютъ человѣку въ ея выполненіи.

Слѣдованіе такому пониманію цѣли и границъ образованія, не только не противорѣча разумному смыслу человѣческой жизни, но способствуя наибольшему выясненію его, и не только не препятствуя человѣку въ достиженіи единственнаго истиннаго блага его жизни, но увеличивая это благо,—дѣлаетъ жизнь человѣка разумной и прекрасной. Существо, одаренное образомъ и подобіемъ Божіимъ, перестаетъ быть тупой маріонеткой, все назначеніе которой сводится къ тому, чтобы продѣлать, пока ее не убрали съ театра, рядъ какихъ-то дѣйствій, не понимая ихъ значенія.

Особенно молодымъ людямъ, не испорченнымъ и не извращеннымъ въ конецъ неистественными условіями жизни „цивилизованнаго“, „культурнаго“ общества, надо дорожить открывающейся для нихъ возможностью приближенія къ свѣтлому идеалу любовнаго общенія съ людьми и Богомъ. Университетъ, съ его подобіемъ истинной науки, не можетъ не быть препятствіемъ на пути къ этому идеалу, и понявшій благо истинной жизни человѣкъ не замедлитъ удалить это препятствіе, т. е. оставить немедленно и навсегда университетъ.

Что касается женской молодежи, то нельзя не подумать безъ чувства сожалѣнія о тѣхъ дѣвушкахъ, которыя съ напряженіемъ часто всѣхъ силъ—духовныхъ и матеріальныхъ—стремятся проникнуть въ таинственное для нихъ „святая святыхъ“ университета и которыя такъ горько плачутся, что это „святая святыхъ“ для нихъ недоступно. Ихъ страстное влеченіе въ университетъ основано несомнѣнно на недоразумѣніи. Сами онѣ не могутъ себѣ представить характера постановки учебнаго дѣла въ университетѣ, а общественное мнѣніе утвердило ихъ въ убѣжденіи, что только университетъ и есть та драгоцѣнная сокровищница наукъ, гдѣ онѣ сберегаются, разрабатываются и откуда можно пріобщиться ихъ частицы. Но думать такъ—это все равно, что думать что

цвѣты, и притомъ самые лучшіе, растутъ только въ оранжереяхъ. Или — что свѣтъ только въ окошкѣ, а не разлитъ во всей вселенной. Впрочемъ, я думаю, рѣдкая дѣвушка, получившая доступъ въ университетъ, не испытала разочарованія въ немъ и крушенія всѣхъ своихъ грезъ.

Еще одно слово о студентахъ.

Предположимъ, что молодой человѣкъ, на себѣ самомъ испытавшій моральный гнетъ университета, хочетъ порвать съ послѣднимъ. Если представить себѣ этотъ шагъ въ условіяхъ нашего времени, то, при намѣреніи практически осуществить его, не можетъ не подняться навстрѣчу вопросъ: какъ же жить? (подъ этимъ обыкновенно разумѣется: чѣмъ же жить?)

На этотъ вопросъ: какъ и чѣмъ жить,—отвѣтъ можетъ быть только одинъ: не чужимъ, а своимъ трудомъ. Какъ узнать, когда живешь чужимъ и когда своимъ трудомъ, очень легко. Чтобы воспользоваться плодами чужихъ рукъ, человѣкъ принужденъ вѣчно передъ кѣмъ-нибудь хитрить, кого нибудь обманывать, безпокоиться, притворяться, кланяться, заискивать и т. д. Тому же, кто самъ на себя работаетъ, нѣтъ нужды ни передъ кѣмъ ни кланяться, ни заискивать: онъ чувствуетъ полную независимость отъ другихъ и потому свободенъ. Такимъ трудомъ, который даетъ эти независимости и свободу, можетъ быть только одинъ: физическій трудъ и въ особенности трудъ земледѣльческій. Къ этому и должны стремиться всѣ, ненавидящіе духовное рабство и любящіе свободу.

Я не хочу сказать, что въ земледѣльческомъ трудѣ—единственный выходъ. Особенно имѣя въ виду современныя условія общественной жизни и необыкновенную спутанность, безтолковость человѣческихъ отношеній, я не склоненъ всѣхъ подводить подъ одну мѣрку. Я указываю только, что земледѣльческій трудъ представляетъ идеальное рѣшеніе вопроса,—рѣшеніе, къ которому какъ я сказалъ, нужно стремиться. Другой вопросъ, всѣ ли могутъ достигнуть этого рѣшенія. Тутъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ показателемъ наилучшаго выхода и, слѣдовательно учителемъ жизни, можетъ быть только собственная совѣсть человѣка и его собствен-

ный разумъ. Человѣкъ можетъ избрать для своихъ занятій и ремесленный трудъ, и даже свободный интеллектуальный трудъ,—но все дѣло въ томъ, насколько сильна въ немъ потребность истиннаго духовнаго блага и какъ велико стремленіе къ внутренней свободѣ. Чѣмъ они настойчивѣе выражаются въ немъ, тѣмъ человѣкъ сильнѣе, прямолинейнѣе и самоотверженнѣе работаетъ надъ осуществленіемъ въ практической жизни идеала совершенствованія. Смыслъ нашей дѣятельности—въ проявленіи любви, формы же этого проявленія опредѣляются индивидуальными свойствами человѣка.

И какъ всегда залогъ внѣшнихъ перемѣнъ лежитъ въ измѣненіи внутренняго сознанія, такъ и въ данномъ случаѣ силу и твердость осуществить въ жизни идеалъ любви можетъ дать человѣку только его душевная работа надъ самимъ собой, надъ установленіемъ истиннаго и разумнаго, свойственнаго современному состоянію человѣческихъ знаній, религіознаго міросозерцанія.

Вал. Булгаковъ.

Письмо Л. Н. Толстого.

(В. Ѳ. Булгакову).

Ясная Поляна, 1 мая 1909 года.

Постараюсь исполнить ваше желаніе: отвѣтить на ваши вопросы.

Очень можетъ быть, что въ моихъ статьяхъ о воспитаніи и образованіи давнишнихъ и послѣднихъ окажутся и противорѣчія, и неясности. Я просмотрѣлъ ихъ и рѣшилъ, что мнѣ—да и вамъ, я думаю, будетъ легче, если я, не стараясь отстаивать прежде сказанное, прямо выскажу то, что я теперь думаю объ этихъ предметахъ.

Это для меня будетъ тѣмъ легче, что въ послѣднее время эти самые предметы занимаютъ меня.

Во-первыхъ, скажу, что то раздѣленіе, которое я въ своихъ тогдашнихъ педагогическихъ статьяхъ дѣлалъ между воспитаніемъ и образованіемъ, искусственно. И воспитаніе и образованіе нераздѣльны. Нельзя воспитывать, не передавая знанія, всякое же знаніе дѣйствуетъ воспитательно. И потому, не касаясь этого подраздѣленія, буду говорить объ одномъ образованіи, о томъ, въ чемъ, по моему мнѣнію, заключаются недостатки существующихъ пріемовъ образованія, и какимъ оно, по моему мнѣнію, должно бы быть, и почему именно такимъ, а не инымъ.

То, что свобода есть необходимое условіе всякаго истиннаго образованія, какъ для учащихся, такъ и для учащихъ, я признаю, какъ и прежде, т. е. что и угрозы наказаній, и обѣщанія наградъ (правъ и т. п.), обусловливающія пріобрѣтеніе тѣхъ или иныхъ знаній, не только не содѣйствуютъ, но болѣе всего мѣшаютъ истинному образованію.

Думаю, что ужъ одна такая полная свобода, т. е. отсутствіе принужденія и выгодъ, какъ для обучаемыхъ, такъ и для обучающихъ, избавила бы людей отъ большой доли тѣхъ золъ, которыя производитъ теперь принятое вездѣ принудительное и корыстное образованіе. Отсутствіе у большинства людей нашего времени какого-бы то ни было религіознаго отношенія къ міру, какихъ-либо твердыхъ нравственныхъ правилъ, ложный взглядъ на науку, на общественное устройство, въ особенности — на религію, и всѣ вытекающія изъ этого губительныя послѣдствія—все это порождаемо въ большей степени насильственными и корыстными пріемами образованія.

И потому, для того, чтобы образованіе было плодотворно, т. е. содѣйствовало бы движенію человѣчества къ все большему и большему благу, нужно, чтобы образованіе было свободно. Для того же, чтобы образованіе, будучи свободно, какъ для учащихъ, такъ и для учащихся, не было собраніемъ произвольно выбранныхъ, ненужныхъ, несвоевременно передаваемыхъ и даже вредныхъ знаній, нужно, чтобы у обучающихся, такъ же, какъ у обучаемыхъ, было общее и тѣмъ и другимъ основаніе, вслѣдствіе котораго избирались бы для преподаванія и изученія наиболѣе нужныя для разумной жизни людей знанія и преподавались бы въ соотвѣтственныхъ ихъ важности размѣрахъ. Такимъ основаніемъ всегда было и не можетъ быть ничто другое, какъ одинаково свободно признаваемое всѣми людьми общества, какъ обучающимися, такъ и обучающими, пониманіе смысла и назначенія человѣческой жизни, т. е. религіи.

Такъ это было прежде, такъ это есть и теперь тамъ, гдѣ люди соединены однимъ общимъ религіознымъ пониманіемъ жизни и вѣрятъ въ него. Такъ это было и сотни лѣтъ тому назадъ въ христіанскомъ мірѣ, когда всѣ люди, за малыми исключеніями, вѣрили въ церковную христіанскую вѣру, и у людей было твердое, общее всѣмъ основаніе для выбора предметовъ знанія и распредѣленія ихъ, и потому не было никакой нужды въ принудительномъ образованіи.

Такъ это было за сотни лѣтъ. Но въ наше время такой общей большинству людей христіанскаго міра вѣры уже нѣтъ;

въ наше время только малое число, и то самыхъ невліятельныхъ людей, еще вѣрятъ....., большинство же, и самое вліятельное,..... не вѣритъ ни въ какую религію. Мало того, такъ называемые передовые люди нашего времени вполнѣ увѣрены въ томъ, что всякая религія есть нѣчто отсталое, пережитое, когда-то бывшее нужнымъ человѣчеству, теперь же составляющее только препятствіе для его прогресса, и старательно увѣряютъ въ этомъ другихъ.

Такъ что въ наше время и въ нашемъ мірѣ, при отсутствіи какой бы то ни было общей большинству людей религіи, т. е. пониманія смысла и назначенія человѣческой жизни, т. е. при отсутствіи основы образованія, невозможенъ какой-бы то ни было опредѣленный выборъ знаній и распредѣленіе ихъ. Вслѣдствіе этого-то отсутствія всякой разумной основы, могущей руководить образованіемъ, и, кромѣ того, вслѣдствіе возможности..... заставлять молодыя поколѣнія обучаться тѣмъ предметамъ, которые кажутся выгодными, и находится среди христіанскихъ народовъ образованіе въ такомъ превратномъ и жалкомъ, по моему мнѣнію, положеніи.

Количество предметовъ знанія безконечно, и такъ же безконечно то совершенство, до котораго можетъ быть доведено каждое знаніе. Сравнить область знанія можно съ выходящими изъ центра сферы безконечнаго количества могущими до безконечности быть удлиненными радіусами. И потому совершенство въ дѣлѣ образованія достигается не тѣмъ, чтобы учащіеся усвоили очень многое изъ случайно избранной области знанія, а тѣмъ, чтобы, во-первыхъ, изъ безконечнаго количества знаній прежде всего были переданы учащимся знанія о самыхъ важныхъ и нужныхъ предметахъ, а, во-вторыхъ, тѣмъ, чтобы знанія эти были доведены до относительно одинаковой степени, такъ, чтобы передаваемыя знанія, подобно одинаковой длины и одинаково равномѣрно расположеннымъ радіусамъ, опредѣляющимъ сферу, составляли бы гармоничное цѣлое.

Такой выборъ знаній и такое распредѣленіе ихъ было возможно въ европейскомъ мірѣ, пока люди вѣрили въ ту форму христіанской религіи, которая соединяла ихъ. Теперь же..... вопросъ о томъ, какія знанія вообще полезны,

какія могутъ быть вредны, какія нужны прежде, какія послѣ и до какой степени должны быть доводимы тѣ или другія, уже не имѣетъ никакого основанія для своего рѣшенія и рѣшается какъ попало и произвольно людьми..... такъ, какъ, это для нихъ въ данное время наиболѣе удобно и выгодно.

Вслѣдствіе этого-то и произошло въ нашемъ обществѣ то удивительное явленіе, что, продолжая сравненіе со сферой, въ нашемъ обществѣ знанія распредѣляются не только неравномѣрно, но въ самыхъ уродливыхъ соотношеніяхъ: нѣкоторые радіусы достигаютъ самыхъ большихъ размѣровъ, другіе же вовсе не обозначены. Такъ, напримѣръ, люди пріобрѣтаютъ знанія о разстояніяхъ, плотности, движеніяхъ на милліарды верстъ отъ насъ отстоящихъ звѣздъ, о жизни микроскопическихъ животныхъ, о воображаемомъ происхожденіи организмовъ, о грамматикѣ древнихъ языковъ и тому подобномъ вздорѣ, а не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о томъ, какъ живутъ и жили ихъ братья-люди, не только отдѣленные отъ нихъ морями и тысячами миль и вѣками, но и люди, живущіе сейчасъ съ ними рядомъ: чѣмъ питаются, какъ спятъ, одѣваются, что работаютъ, какъ женятся, воспитываютъ дѣтей, какіе ихъ обычаи, привычки, вѣрованія. Люди узнаютъ въ школахъ все объ Александрѣ Македонскомъ и Людовикѣ XIV и его любовницахъ, но не знаютъ ничего о томъ, какъ живутъ, работаютъ, страдаютъ рядомъ съ ними ихъ братья и сестры въ деревнѣ или въ городѣ на заводѣ. Знаютъ о химическомъ составѣ тѣлъ, объ электричествѣ, радіи, о цѣлыхъ такъ называемыхъ „наукахъ“ о правѣ и теологіи; подробно знаютъ о повѣстяхъ и романахъ, написанныхъ разными, считающимися „великими“ писателями; знаютъ о совершенно ни на что ненужныхъ и скорѣе вредныхъ пустякахъ, а ничего не знаютъ о томъ, какъ понимали и понимаютъ смыслъ своей жизни и какія признавали и и признаютъ правила жизни милліарды живщихъ и живущихъ людей, двѣ трети всего не христіанскаго человѣчества.

Отъ этого-то и происходитъ въ нашемъ мірѣ то удивительное явленіе, что люди, считающіеся въ нашемъ мірѣ самыми образованными, суть, въ сущности, люди самые

невѣжественные, знающіе множество того, чего никому не нужно знать, и не знающіе того, что прежде всего нужно знать всякому человѣку. И мало того, что люди эти грубо невѣжественны, они еще и безнадежно невѣжественны, такъ какъ вполнѣ увѣрены, что они очень ученые, образованные люди, т. е. знаютъ все то, что нужно знать—и даже больше того, что нужно знать человѣку.

Происходитъ это удивительное и печальное явленіе отъ того, что въ нашемъ, называемомъ христіанскимъ, мірѣ не только опущенъ, но отрицается тотъ главный предметъ преподаванія, безъ котораго не можетъ быть осмысленнаго пріобрѣтенія какихъ бы то ни было знаній. Опущена и отрицается необходимость религіознаго и нравственнаго преподаванія, т. е. передачи молодымъ поколѣніямъ учащихся тѣхъ, съ самыхъ древнихъ временъ данныхъ мудрѣйшими людьми міра отвѣтовъ на неизбѣжно стоящіе передъ каждымъ человѣкомъ вопросы: первый—что я такое, какое отношеніе мое, моей отдѣльной жизни ко всему безконечному міру, и второй—какъ мнѣ сообразно съ этимъ моимъ отношеніемъ къ міру жить, что дѣлать и чего не дѣлать. Эти же два предмета—религіозное ученіе, общее всѣмъ людямъ, и вытекающее изъ него ученіе нравственности, тоже одинаковое для всѣхъ народовъ, предметы, долженствующіе быть главной основой всякаго образованія, воспитанія и обученія, отсутствуютъ совершенно въ образованіи христіанскихъ народовъ. И еще хуже, чѣмъ отсутствуютъ: замѣняются въ нашемъ обществѣ собраніемъ грубыхъ суевѣрій и плохихъ софизмовъ..... ....., предметомъ самымъ противнымъ истинному религіозному и нравственному обученію.

Въ этомъ я полагаю главный недостатокъ существующихъ въ нашемъ обществѣ пріемовъ образованія. И потому думаю, что для того, чтобы въ наше время образованіе было не вредно, каково оно теперь, въ основу его должны быть поставлены эти два предмета: религіозное пониманіе жизни и нравственное ученіе.

Объ этомъ самомъ предметѣ я писалъ въ составленномъ мною „Кругѣ чтенія“ слѣдующее:

„Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ человѣчество, всегда у всѣхъ народовъ являлись учителя, составлявшіе науку о томъ что нужнѣе всего знать человѣку. Наука эта всегда имѣла своимъ предметомъ знаніе того, въ чемъ назначеніе и потому истинное благо каждаго человѣка и всѣхъ людей. Эта-то наука и служитъ руководящей нитью въ опредѣленіи значенія всѣхъ другихъ знаній.

„Предметовъ наукъ безчисленное количество; и безъ знанія того въ чемъ состоитъ назначеніе и благо всѣхъ людей, нѣтъ возможности выбора въ этомъ безконечномъ количествѣ предметовъ, и потому безъ этого знанія всѣ остальныя знанія и искусства становятся, какъ они и сдѣлались у насъ, праздной и вредной забавой.

Единственное объясненіе той безумной жизни, противной своему сознанію, которую ведутъ люди нашего времени, заключается именно въ этомъ, въ томъ, что молодыя поколѣнія обучаются безчисленнымъ самымъ сложнымъ, труднымъ и ненужнымъ предметамъ, не обучаются только тому, что одно нужно, тому въ чемъ смыслъ человѣческой жизни, чѣмъ она должна быть руководима и что думали объ этомъ вопросѣ и какъ рѣшили его мудрѣйшіе люди всѣхъ временъ и всего міра“.

Скажутъ: „Нѣтъ такого общаго большинству людей религіознаго ученія и ученія нравственности“. Но, во-первыхъ, это неправда. Такія ученія всегда были и есть, не могутъ не быть, потому что безъ такихъ ученій никогда не жило, не могло бы и не можетъ жить человѣчество. Если нѣкоторымъ людямъ нашего времени и кажется, что ихъ нѣтъ, то это происходитъ только оттого, что эти люди принимаютъ тѣ затемнѣнія и извращенія, которыми ..... скрыты религіозныя и нравственныя истины, за самую сущность ученій. Стоитъ только людямъ серьезно отнестись къ вопросамъ жизни, и одна и та же, и религіозная и нравственная истина, во всѣхъ ученіяхъ, отъ Кришны, Будды, Конфуція до Христа и новѣйшихъ религіозныхъ мыслителей откроется имъ. Это мой первый отвѣтъ на возраженіе о томъ, что будто бы нѣтъ общаго религіознаго и нравственнаго ученія, а потому и нельзя на немъ основывать образованіе. Второй

же мой отвѣтъ будетъ тотъ, что если допустить, что такого ученія нѣтъ, то вытекаетъ изъ этого только то, что, при отсутствіи единственной возможной разумной основы для образованія не можетъ быть и никакого разумнаго образованія, а можетъ быть только, какъ это и есть теперь, нагроможденіе самыхъ пустыхъ, случайныхъ, ненужныхъ большому большинству, часто и вредныхъ знаній, которыя мы называемъ наукой, и что поэтому лучше не надо никакого образованія, чѣмъ ложное и вредное.

Вреднымъ же будетъ такое безосновное образованіе ужъ тѣмъ, что будетъ давать возможность невѣжественнымъ людямъ, каковы теперь большинство такъ называемыхъ образованныхъ людей, не сознавать своего невѣжества, а считать себя образованными.

Нравится намъ это или не нравится, разумное образованіе возможно только при постановкѣ въ основу его ученія о религіи и нравственности.

Продолжая сравненіе съ радіусами, проводимыми изъ центра, ученіе о религіи и нравственности, по отношенію ко всѣмъ другимъ знаніямъ, подобно тѣмъ тремъ взаимно перпендикулярнымъ діаметрамъ, которые опредѣляютъ направленіе и сооотношеніе всѣхъ радіусовъ сферы и ту степень длины, до которой они могутъ быть доведены для того, чтобы они составляли гармоническое цѣлое—сферу.

И потому я полагаю, что первое и главное знаніе, которое свойственно прежде всего передавать дѣтямъ и учащимся взрослымъ, это отвѣты на вѣчные и неизбѣжные вопросы, возникающіе въ душѣ каждаго, приходящаго въ сознаніе человѣка. Первый: что я такое и какое мое отношеніе къ безконечному міру? и второй, вытекающій изъ перваго: какъ мнѣ жить, что считать всегда, при всѣхъ возможныхъ условіяхъ, хорошимъ и что всегда, при всѣхъ условіяхъ, дурнымъ?

Отвѣты на эти вопросы всегда были и есть въ душѣ каждаго человѣка, разъясненія же отвѣтовъ на эти вопросы не могло не быть среди милліардовъ прежде жившихъ и милліоновъ живущихъ теперь людей. И оно дѣйствительно есть въ ученіяхъ религіи и нравственности,—не въ религіи

и ученіи нравственности какого-либо одного народа извѣстнаго мѣста и времени, а въ тѣхъ основахъ религіозныхъ и нравственныхъ ученій, которыя одни и тѣ же высказаны всѣми лучшими мыслителями міра отъ Моисея, Сократа, Кришны, Эпиктета, Будды, Марка Аврелія, Конфуція, Христа, Іоанна апостола, Магомета до Руссо, Канта, персидскаго Баба, индусскаго Вивекананды, Чаннинга, Эмерсона, Рескина, Сковороды и др.

И потому думаю, что до тѣхъ поръ, пока эти два предмета не станутъ въ основу образованія, не можетъ быть никакого разумнаго образованія.

Что же касается дальнѣйшихъ предметовъ знанія, то думаю, что порядокъ ихъ преподаванія выяснится самъ собой при признаніи основой всякаго знанія ученія о религіи и нравственности. Весьма вѣроятно, что при такой постановкѣ дѣла первымъ послѣ религіи и нравственности предметомъ будетъ изученіе жизни людей самыхъ близкихъ: своего народа, богатыхъ, бѣдныхъ классовъ, женщинъ, дѣтей, ихъ занятій, средствъ существованія, обычаевъ, вѣрованій, міросозерцаній. Послѣ изученія жизни своего народа, думаю, что при правильной постановкѣ дѣла образованія столь же важнымъ предметомъ будетъ изученіе жизни другихъ народовъ, болѣе отдаленныхъ, ихъ религіозныхъ вѣрованій, государственнаго устройства, нравовъ, обычаевъ. Оба эти предмета, точно такъ же, какъ религіозно-нравственное ученіе, совершенно отсутствуютъ въ нашей педагогикѣ и замѣняются географіей—изученіемъ названій мѣстъ, рѣкъ, горъ, городовъ, и исторіей, заключающейся въ описаніи жизни и дѣятельности правителей и преимущественно ихъ войнъ, завоеваній и освобожденій отъ нихъ. Думаю, что при постановкѣ въ основу образованія религіи и нравственности изученіе жизни себѣ подобныхъ, т. е. людей, то, что называется этнографіей, займетъ первое мѣсто, и что точно такъ же, соотвѣтственно своей важности для разумной жизни, займутъ соотвѣтствующія мѣста: зоологія, математика, физика, химія и другія знанія.

Думаю такъ, но не берусь ничего утверждать о распредѣленіи знаній. Утверждаю же я только одно: то, что безъ

признанія основнымъ и главнымъ предметомъ образованія религіи и нравственности не можетъ быть никакого разумнаго распредѣленія знаній, а потому и разумной и полезной для обучаемыхъ передачи ихъ. При признаніи же основой образованія религіи и нравственности и при полной свободѣ образованія всѣ остальныя знанія распредѣлятся такъ, какъ это имъ свойственно сообразно тѣмъ условіямъ, въ которыхъ будетъ находиться то общество, въ которомъ будутъ преподаваться и восприниматься знанія.

И потому полагаю, что главная и единственная забота людей, занятыхъ вопросами образованія, можетъ и должна состоять, прежде всего, въ томъ, чтобы выработать соотвѣтственное нашему времени религіозное и нравственное ученіе и, выработавъ таковое, поставить его во главѣ образованія. Въ этомъ по моему мнѣнію, въ наше время состоитъ первое и, пока оно не будетъ сдѣлано, единственное дѣло не только образованія, но и всей науки нашего времени,—не той, которая вычисляетъ тяжесть той звѣзды, вокругъ которой вращается солнце, или изслѣдуетъ происхожденіе организмовъ за милліоны лѣтъ до нашего времени, или описываетъ жизни королей, полководцевъ, или излагаетъ софизмы теологіи или юриспруденціи, а той одной, которая есть точно наука, потому что дѣйствительно нужна людямъ. Нужна же людямъ потому, что, наилучшимъ образомъ отвѣчая на тѣ, одни и тѣ же, вопросы, которые вездѣ и всегда ставилъ и ставитъ себѣ всякій разумный человѣкъ, вступающій въ жизнь, она содѣйствуетъ благу какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и всего человѣчества.

Вотъ все, что имѣлъ сказать. Буду радъ, если это пригодится вамъ.

Левъ Толстой.